

Разыскивая Глобальный Восток: мышление между Севером и Югом*

Мартин Мюллер

Профессор департамента географии и устойчивого развития Университета Лозанны,
сооснователь и научный руководитель Центра глобального урбанизма,
Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина
Адрес: Géopolis 3514, 1015 Lausanne, Switzerland
E-mail: martin.muller@unil.ch

Дмитрий Безуглов
(переводчик)

Куратор публичной программы Уральской индустриальной биеннале современного искусства,
сотрудник Центра глобального урбанизма, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина
Адрес: просп. Ленина, д. 51, г. Екатеринбург, Российская Федерация 620075
E-mail: dmitrii.bezouglov@gmail.com

Разделение мира на Глобальный Север и Глобальный Юг стало общепринятым способом осмысления глобальных различий с конца холодной войны. Однако эта бинарная оппозиция игнорирует то, что в данной статье называется Глобальным Востоком — те страны и общества, которые занимают промежуточное положение между Севером и Югом. Статья проблематизирует геополитику знания, приведшую к исключению Глобального Востока не только из Глобальных Севера и Юга, но и в целом из представлений о глобальности. Доказывается, что для того, чтобы вернуть Глобальный Восток в теорию, нужно принять позицию стратегического эссенциализма. С этой целью статья прослеживает глобальные связи продаваемого ИКЕА граненого стакана. Это позволяет продемонстрировать неотложность переосмысления Глобального Востока как находящегося в центре глобальных связей, а не отделенного от них. Концептуализация Глобального Востока как лиминального пространства проблематизирует понятия Севера и Юга в направлении более инклюзивного, но также и более неопределенного теоретизирования.

Ключевые слова: Глобальный Север, Глобальный Юг, Глобальный Восток, исключенность, геополитика знания, стратегический эссенциализм, глобальное теоретизирование

Введение: теряя Восток

На мгновение вообразите себе Глобальный Север. Скорее всего, вы подумаете о странах Северной Америки и Западной Европы. Возможно, придут на ум Япония и Австралия, богатые государства и крупные столичные центры. А как обстоят дела с Глобальным Югом? Вспоминаются Латинская Америка и Африка, а следом и множество азиатских стран. Иными словами, те пространства, которым не удастся наслаждаться теми же привилегиями, что дарованы странам Севера. Мир,

---

* Перевод выполнен по изданию: Müller M. (2020). In Search of the Global East: Thinking Between North and South // *Geopolitics*. Vol. 25. № 3. P. 734–755.

открывающийся нашему внутреннему взору, кажется полным, но ключевое слово здесь — «кажется». Бинарная оппозиция Севера и Юга создает черную дыру, в которую проваливаются все те общества, которым не удается встроиться в одну из категорий. Общества, слишком богатые для Юга и слишком бедные для Севера. И эту черную дыру не назовешь маленькой: она поглощает общества, принимавшие участие в одном из самых значимых глобальных экспериментов XX века — создании коммунизма¹. Этот, как мы будем говорить в данной статье, «Глобальный Восток» остается в тени где-то между Глобальным Севером и Югом, так и не вписавшись ни в одну из категорий. Эта статья призвана пролить на него свет.

Различение богатого, могущественного Глобального Севера и бедного, менее сильного Глобального Юга — пожалуй, наиболее влиятельный способ категоризации мира и инструмент размышлений о глобальных различиях сегодняшнего дня. И это различие не просто сформировало плодородную почву для академических исследований, на которой выросло несколько журналов, множество исследовательских центров и сотни книг, в чье заглавие был вынесен «Глобальный Юг». Оно проникло в обиход исследователей, активистов, и все чаще встречается в спорах о стратегиях развития. К примеру, в дискуссиях об изменениях климата разделение «Север — Юг» часто используется для обозначения различных политических подходов к проблеме глобального потепления. Когда в начале века в «Целях развития тысячелетия» ООН одним из глобальных вызовов вновь обозначили бедность, разделение Севера и Юга получило еще больший вес.

Глобальные Север и Юг — не просто географические дескрипторы; сегодня они представляют собой в первую очередь политический и эпистемологический проект. Они знаменуют собой поворот от языка, в центре которого — категории развития (*developmentalism*) и телеологического прогресса, в течение многих десятилетий маркировавшие отношение Глобального Севера к Югу (и определяющие его и поныне). Они обозначают переориентацию системы производства знания с универсализма и европоцентризма, отличающего Север, на признание ценности множественных практик, обнаруживаемых на Глобальном Юге. Они же — политический источник вдохновения, влияющий на перестройку глобальной политики, дающий голос большему числу маргинализированных наций (Dirlik, 2007; Mignolo, 2011). Глобальный Юг как таковой — плоть от плоти постколониального проекта по высвобождению речи субалтернов (Spivak, 1988a).

Падение большинства коммунистических режимов (так называемого Второго мира), случившееся в период с 1989 по 1992 год, не поставило под вопрос различие Севера и Юга. Наоборот, оно стало его победой. Согласно Фукуяме (Fukuyama, 1992), конец истории не нивелирует различия богатых и бедных (то есть Севера и Юга), но стирает различие капитализма и коммунизма. Как только исчез коммунистический Другой, растворилось и идеологическое разделение на Восток и Запад. «Категория „Второго мира“ вышла из употребления, стоило распасться

---

1. В соответствии с общепринятым употреблением я пишу «коммунизм», говоря об идеологии, и использую «социализм», говоря о социально-политических реалиях.

Советскому Союзу... Пришло время для новой, упрощающей категоризации. Первый мир стал Севером, а третий — Югом» (Reuveny, Thompson, 2007: 557). Но что случилось со Вторым миром?

Вместо того чтобы присоединиться к Северу или Югу, Восток провалился в трещины. Говоря «Восток», я не указываю на географическую область, скорее, я говорю об эпистемическом пространстве — лиминальном пространстве между Севером и Югом. Я определяю этот Восток через опыт бывшего Второго мира, но Восток как Глобальный Восток не следует ограничивать лишь рамками этого опыта и, конечно, к нему следует относить и другие лиминальные общества. Падение политического проекта Второго мира — коммунизма — стерло Восток с глобальной карты; исчезли все характерные черты коммунистического правления, существовавшие более 70 лет. Восток слишком богат, чтобы по-настоящему присоединиться к Югу, но слишком беден, чтобы стать частью Севера. Для периферии в нем слишком много силы, но он слишком слаб, чтобы быть центром. Отношения силы двунаправлены: Восток вбирает в себя и колонизаторов, и колонизируемых, агрессоров и жертв; а некоторым странам удавалось одновременно сочетать оба статуса (Tlostanova, 2008). Другими словами, Восток неуловим и избегает категоризаций.

В глобальной циркуляции знаков Восток и вполнину не так легитимен, как Глобальный Юг, в котором колониализм создал общие языки, институции, системы знания и социальные связи. Мировым медиа и образовательным центрам Уганда знакома больше Украины; Чили звучит привычнее Чехии, а Лаос — ближе Латвии. Варгас Льоса, Гарсия Маркес и Кутзее узнаются моментально, в то время как Алексиевич, Мюллер и Шимборская звучат словно инопланетные фамилии. Все шестеро — недавние лауреаты Нобелевской премии по литературе.

Получается, что Восток находится в состоянии двойного исключения. Во-первых, его не считают частью Глобального Юга. Обложка книги «Более бедные нации» Виджая Прашада (Prashad, 2013), одной из исчерпывающих исторически-обзорных публикаций о Глобальном Юге, открыто демонстрирует географические ориентиры автора: на карте Глобального Юга отмечены Турция, Аргентина и Чили, но нет и следа стран победнее — Кыргызстана, Молдовы и Украины. Многие тома обзорных работ о Глобальном Юге пропускают Глобальный Восток. «Повседневная география Глобального Юга» (Rigg, 2007) содержит 90 кейсов из 36 стран, и ни один из них не затрагивает Глобальный Восток. «Пособие по городам Глобального Юга», по крайней мере, отмечает, что «большая часть Евразии нас не интересует» (Parnell, Oldfield, 2014: 3). «Институты Глобального Юга» (Braveboy-Wagner, 2009) ограничиваются Азией, Африкой и Латинской Америкой. Большинство исследователей настаивают на подвижности понятия Глобального Юга, отказываясь примерять строгие границы (Dirlik, 2007; Roy, Crane, 2015), и тем тревожней становится эта выборочная немота. Этому понятию как будто не хватает текучести, достаточной, чтобы включить в себя хотя бы частичку бывшего Второго мира.

Но в то же время Восток отделен и от Глобального Севера. В текстах о мировых глобальных городах и центрах, колыбелях демократии и рыночного капитализма, Востоку уготована эпизодическая роль без слов. Страны Востока, возможно, и движутся в сторону Севера, но в то же время они обречены на бесконечное движение к ускользающей модерности. Объект североамериканской и европейской *mission civilisatrice*, Восток определяется через свою «отсталость», которую в течение многих столетий фиксируют как отличительную черту Восточной Европы (Kovačević, 2008; Neumann, 1999; Todorova, 1997; Wolff, 1994). Он выступает в роли Другого, через противопоставление которому Западная Европа в течение многих лет выстраивает свой нарратив цивилизованности и прогресса.

Эта статья — небольшой шаг в глобальной геополитике знания, предпринятый, чтобы вернуть Восток на карту когнитивного производства. Мы это делаем с помощью введения категории Глобального Востока — не только отличного от других частей мира, но и связанного с ними; равного, а не подчиненного Северу и Западу. И это не просто важное эпистемическое решение для тех, кто живет на Глобальном Востоке, сообщающее ценность многообразию и связанности их опыта, а также для ученых, работающих с Глобальным Востоком, которым часто не удастся разместить свой объект исследования в глобальной исследовательской повестке, рассекающей мир на Север и Юг.

Этот шаг еще значительней отзывается в пространстве производства теорий. Поскольку хорошая, а уж тем более глобальная теория, создаваемая в эпоху теоретизирования вне Европы и Америки (Bhabha, 1994; Chakrabarty, 2007; Mbembe, 2000), не может появиться без понимания разнообразия и взаимосвязанности описываемых ею социальных реальностей, без искреннего воодушевления ими. Размышлять о Глобальном Востоке, кажется, — задача, более значимая как раз для Глобального Севера и Глобального Юга. Серьезное отношение к Глобальному Востоку не может появиться без декомпозиции существующих очевидностей, касающихся богатых и бедных, сильных и бессильных, к которым мы уже так успели привыкнуть. Восстановление Глобального Востока в правах предполагает размышление о нем из промежутков, зазоров, существующих между Севером и Югом, — не только ради него самого, но также ради Севера и Юга.

Эта статья стремится создать условия для размышлений о Глобальном Востоке посредством четырехступенчатой схемы. Во-первых, мы анализируем «Восточность» как затруднительное состояние, существующее не столько на границах, сколько в зазорах и промежутках между Севером и Югом. Таким образом, мы определяем «Восточность» скорее как лиминальное состояние промежуточности — не-вполне-Север, не-вполне-Юг, — нежели как географическое положение. Эта промежуточность объясняет безразличие со стороны как Севера, так и Юга. Во-вторых, мы увидим, что Восток остается непознанным, поскольку находится за пределами схем и проводящих путей западной архитектуры знания. В-третьих, мы стремимся доказать необходимость стратегического эссенциализма Востока, который подчеркивает единство в различии его промежуточного положения

и возрождает его как политический проект. Наконец, мы показываем, как и почему Восток должен быть Глобальным Востоком: его следует представлять не отрезанным от глобальных отношений, а в самом их центре. Таким образом, статья утверждает открытость Глобального Востока, доступную, невзирая на попытки отсечь его стеной изнутри и снаружи.

Затруднительное положение «Восточности»: не вполне Север, не вполне Юг

Когда я читаю курс, посвященный Глобальному Востоку, я сталкиваюсь с удивлением студентов. Их изумляет, что я вообще заинтересовался таким унылым местом. Бразилия — сексуальная, Кения — классная, Китай — динамичный, а вот Восток скучный. Узнав, что в этой ловушке обнаруживают себя и другие исследователи, я одновременно пережил радость и уныние. Описывая литературные особенности Востока, Микановский отмечает:

Я знаю известного регионалиста, историка, читающего регулярный курс по истории Восточной Европы, и он сказал мне, что каждый год ему приходится отвечать на вопрос студентов: неужели в этом «сумрачном месте» люди действительно способны любить и смеяться. Полагаю, что если бы я читал курс по «Черному континенту», то мне хотя бы сочувствовала горстка прекраснодушных персонажей, однако это не ждет меня, избравшего своим предметом «сумрачное место», не вызывающее никаких эмоций: терра инкогнита, в которой Македония, Молдавия, Черногория и Молвания склеиваются в единую аморфную массу. (Mikanowski, 2017)

Проблема Востока отмечена двойным исключением из привилегированного Глобального Севера и из маргинализированного Глобального Юга. Но это не чистый Другой. Скорее, это полуинаковость (Tlostanova, 2017), недоориентализация (Wolff, 1994). Восток иной, но похожий, Другой — но не совсем. Он остается «серой зоной» неопределенности (Knudsen, Frederiksen, 2015) и серым пространством. Глобальный Север, часто выступающий в обличье «Европы», исполняет роль телеологического горизонта, по отношению к которому Восток становится не-вполне-Севером. Страны могут становиться участниками Евросоюза, но тончайшие дискретности, встроенные в габитус еврократов из брюссельских коридоров власти, продолжают воспроизводить контраст между Востоком и Западом (Kuus, 2014); немаловажен и расизм, с которым сталкиваются восточноевропейские иммигранты в Западной Европе (Nowicka, 2017). Востоку может быть доступна какая-то часть европейского потребления — как, например, повсеместный евроремонт (Sgibnev, 2015), но этого недостаточно, чтобы стать полноценным европейцем. Эта «Восточность», как ее назвали некоторые исследователи (Kuus, 2007; Zarycki, 2014), десятилетиями, если не столетиями, служила отметиной Востока, невзирая

на вхождение в Евросоюз, десятилетия экономического роста, широкую приватизацию и демократизацию.

В этом смысле Восток во многом проживает постколониальное состояние пребывания в «зале ожидания истории» (Chakrabarty, 2007: 8), стремясь к модерности, в которую можно включиться, но доступ к которой может гарантировать лишь щедрость и добродетельность Европы, расширяющей свою *mission civilisatrice* и все связанные с ней практики до «Дикого Востока» (Gille, 2016; Horvat, Štiks, 2012; Melegh, 2006). Поскольку, если бы даже Востоку и удалось очутиться в Европе, он оказался бы в ситуации, в которой «всё [уже] предопределено, продумано, продемонстрировано, доведено до максимума» — позволим себе процитировать знаменитую фразу Франца Фанона (Fanon, 2008: 91)². Восток скрепляют не политическое единство, не общие экономические связи или культурные традиции (Hann et al., 2016) и уже не общий опыт социализма (Müller, 2019), а совместное чувство одновременного различия и сходства с аморфной Европой.

Конечно, если более интересен политэкономический подход, Восток можно прочесть и через трехуровневую теорию мир-системного анализа капитализма, предложенную Иммануилом Валлерстайном (Wallerstein, 1979)³. Но это несколько запутает ситуацию. Согласно Валлерстайну (Wallerstein, 1976), социалистические государства принадлежали к странам полупериферии, но общая картина несколько изменилась, стоило социализму рухнуть. Сегодня некоторые государства Центральной Азии, Южного Кавказа и Юго-Восточной Европы могут считаться периферийными, в то время как большинство восточноевропейских стран, ныне входящих в Европейский союз, переживают экономический рост и все ближе смещаются к центру. По крайней мере, такое наблюдение предлагается в нескольких источниках, пытавшихся применить категории Валлерстайна к современной ситуации (Babones, Babicky, 2011; Bradshaw, 2001; Knox, Agnew, McCarthy, 2014: 22). К примеру, Румыния или Россия, остающиеся в положении полупериферии, оказываются в той же категории, что и, например, Греция, Чили, Ботсвана и Вьетнам, — категория прежняя, но достаточно гетерогенная. Таким образом, мир-

---

2. Французский оригинал гораздо содержательнее перевода: «tout est prévu, trouvé, prouvé, exploité» (Fanon, 1952: 97).

3. Валлерстайн предлагает трехуровневую структуру. Общества разделяются на ядро, полупериферию и периферию. Это разделение — воплощение двух форм, которые принимают экономические процессы: «процессы в ядре» с высокими зарплатами, передовой технологией и диверсификацией производства, — и «периферийные процессы», которым остаются низкие зарплаты, устаревшие технологии и более простые способы производства. Промежуточная категория полупериферии — не просто экономическое сочетание двух других категорий. Важно, что у нее есть политическая функция: она обеспечивает политическую стабильность, смягчая поляризацию ядра и периферии. «Можно привести убедительные доводы в пользу того, что мировая экономика способна функционировать и без полупериферии. Но она была бы куда менее стабильной политически» (Wallerstein, 1979: 23). Согласно Валлерстайну (Ibid.: 69), полупериферийные страны отличают две характерные черты: протекционистская политика («внутренний рынок для отечественных товаров») и политизация экономических решений.

системный анализ представляет расщепленный образ Востока: частично Север, частично Юг и частично — что-то между.

Несмотря на то что Восток, этот наполовину Другой (*demi-Other*) Запада, оказывается в положении, подобном постколониальной ситуации Юга, он исключен из борьбы Юга за эмансипацию. Восток в равной степени не вполне Север и не вполне Юг. В стремлении к деколониальному знанию и теоретическому осмыслению Юга Восток не фигурирует; и дело не в том, что его просто присоединили к Латинской Америке, Азии и Африке. Нет, его попросту не включили в этот проект. И это вряд ли удивит нас, если мы обратимся к типичному определению Севера и Юга: «Оппозиция Севера и Юга обычно рассматривается как социоэкономическое и политическое разделение. Определения Глобального Севера обычно включают Соединенные Штаты, Канаду, развитые страны Европы и Восточную Азию. Глобальный Юг образуют Африка, Латинская Америка, а также развивающиеся страны Азии, включая Средний Восток» (цит. по: Mignolo, 2014a).

Это определение обходит стороной Глобальный Восток. Его же обходят и теоретические разработки с позиций Юга. Знаковая книга социолога Рэйвин Коннелл «Южная теория» (Raewyn Connell, 2007) размещает Юг в Африке, Латинской Америке, Индии и Иране (ровно в тех регионах, что отмечены в вышеуказанном определении). «Теория с Юга» Джин и Джона Комарофф (Comaroff, Comaroff, 2011) сосредотачивается на Африке, а «Новые географии теории» Ананьи Рой (Roy, 2009) — на Индии.

Отсутствие Востока в проекте Глобального Юга поражает, хоть это и не удивительно. Опять же, это связано с его промежуточным социальным, экономическим, политическим статусом. Джин и Джон Комарофф (Comaroff, Comaroff, 2011: 46) задаются вопросом: «К какой стороне [Севера или Юга] относятся страны бывшего СССР?» Общества бывшего Второго мира не пытались найти третий путь, отказавшись от капитализма и социализма; не устраивали дебатов об общем будущем вроде тех, что проводились на Бандунгской конференции. Когда из-за событий 1989–1992 гг. пал социалистический лагерь, казалось, что Восток, перейдя к капитализму, присоединится к Северу. Тем не менее прошло больше 25 лет, и переход не завершён — как в вопросах достижения уровня благосостояния по примеру Севера, так и в вопросах возведения институтов рыночного капитализма. Восток оказался гибридом социалистического наследия, неолиберального капитализма, а также неформальных и патримониальных практик.

Востоку так же свойственен колониализм, пусть и отличный от южного. Колониализм — особенно значимая для теоретизирования, возможно, самая главная черта Юга (Dirlik, 2007) — не столь очевиден в странах Востока. Многим странам Востока доводилось сталкиваться с последовательно наступавшими волнами колониализма со стороны Османской, Австро-Венгерской и Российской империй, а также Советского Союза; и каждую из них отличала своя система господства. Навязанные Западом рыночные реформы 90-х годов XX века (Boycko, Shleifer, Vishny, 1995) добавили новые отношения доминирования к уже существующим.

Если колонизированный определяется через соотношение с колонизатором (Fanon, 1952), то у Востока множество идентичностей. Некоторые страны были одновременно и колонизаторами, и колонизируемыми. Мадина Тлостанова (Tlostanova, 2008, 2011) проблематизирует эту промежуточную позицию на примере России, которой отведена двойственная роль колониальной империи (как в советские времена, так и после падения Советского Союза) и подчиненного Другого (для Европы) — и потому она называет Россию «субалтерн-империей». Получается, что Восток занимает непростое положение между центрами власти на Севере и в основном постколониальными обществами Юга. Так, в случае Востока отношения «колонизатор/колонизируемый» становятся многоуровневыми, без ярко выраженной метрополии. Если вы из Болгарии, что считать вашей метрополией: Стамбул, Москву, Брюссель или Нью-Йорк?

Наконец, в отличие от Юга, люди не нашли на Востоке причин для сочувствия, глобального активистского движения, источника альтернатив неолиберализму, разрушению окружающей среды, политике с позиции силы и разнузданному национализму. Бывший центр рейгановской «империи зла» не может выступать с безупречной моральной позиции угнетенных и обездоленных, на которой уверенно стоит Глобальный Юг. Для такой позиции недостаточно Евромайда, Оранжевой революции и Революции роз и тюльпанов. Миру голодных и рабов, сражающемуся за эмансипацию и право на самоопределение, как будто нет места на Востоке. Многие обитатели Глобального Востока — белые, они же — агенты и жертвы расизма (к примеру, польские иммигранты в Британии) (Nowicka, 2017). «Русские и восточные европейцы после 1989 года стали не вполне отбеленными черными (off-white blacks) нового глобального мира — ведущими себя и выглядящими подобно белым, но остающимися сущностно иными» (Tlostanova, 2017: 8). Кэтрин Вердери (Verdery, 2002: 20) однажды блистательно сформулировала тезис: неясно, кто будет Францем Фаноном постсоциалистического Востока. Трудный вопрос, на который я бы ответил так: на Востоке не может быть Фанона. В конце концов, к кому он/а мог/ла бы обратиться и по какому праву?

Так что у Востока низкий статус, но недостаточно низкий. Он некоторым образом подчиненный (subaltern), но не вполне. Он не богат, но в то же время и не беден. У него есть какие-то элементы европейской модерности, но многих недостает: слишком другой, чтобы быть частью Севера, слишком европейский, чтобы стать частью Юга. Большинство обществ Восточной Европы и бывшего Советского Союза заперты в этом промежуточном положении не вполне Севера и не вполне Юга. Они могут быть членами Евросоюза и отличаться высоким доходом, но все равно — не входить в клуб. Посмотрите на Польшу. Или, наоборот, они могут быть бедными бывшими колониями, как, например, Таджикистан или русский Кавказ, но их все равно не будут считать частью Юга. В лучшем случае они довольствуются положением «Вторичного Юга» (Tlostanova, 2011). И попытки установить диалог между Югом и Глобальным Востоком: например, между колониями Совет-

ской России и Глобальным Югом, — редки, малы и разрознены (Chari, Verdery, 2009; Karkov, 2015; Plostanova, 2011, 2015b).

Эта лиминальность выносит Восток за скобки споров о Глобальных Юге и Западе. Выносит не из желания навредить, просто Восток не входит в рамку, которую мы используем для разговоров о глобальном. Эта промежуточность не превращает Восток в то, что Хоми Баба (Homi Bhabha, 1994) определял как плодородное третье место, пространство обмена для культур и значений. Наоборот, Восток словно застыл в оцепенении, в то время как весь остальной мир двинулся вперед и опутал себя сетью глобальных связей и мобильностей. У Микановского мы читаем:

Много раз я проваливался в зоны восточно-европейскости к западу от линии Одер — Триест. Они настигали меня под шоссевыми эстакадами, в очередях в департаменте транспорта в США, и в залах ожидания полузабытых автовокзалов. Я всегда полагал, что прустовские моменты — насквозь фальшивый конструкт, литературная уловка, но будь я проклят, если случайно учуянный запах застаревшей грязи в туалете, в подвале одной из физических лабораторий Беркли, не переносил меня в одну секунду на лестницу многоэтажного варшавского дома, в котором жила моя бабушка, не пробуждал отзвук этого запаха, в котором смешиваются застарелая моча, засохшая грязь и закишая вода со швабры, неподслащенная мылом. (Mikanowski, 2017)

В этом отрывке Микановский схватывает «восточность» как чувство заброшенности, оторванности от мира. Проезды под эстакадами, залы ожидания на заброшенных автовокзалах, подвалы — глобальность происходит явно в других местах. Восточность — состояние инертности, выпадения из времени и пространства.

Это состояние застревания во времени обнаруживается в том, как мы отсылаем к географии современного Востока, всегда подчеркивая прошлое: постсоциалистическое, экс-советская, территория бывшего СССР, старый Восточный блок, бывший Второй мир, — словно спустя почти тридцать лет коммунистический Восток все еще не нашел лазейки, через которую смог бы пробраться в настоящее. К советскому опыту обращаются недавние бестселлеры — работа «Время сэконд-хенд» Светланы Алексиевич, получившей Нобелевскую премию по литературе, или же «Хоть словечко пошли мне» (Just Send Me a Word) Орландо Файджеса. Бестселлеры, посвященные сегодняшнему дню, сосредоточены на предрекаемой новой холодной войне. Один из ключевых академических журналов о Востоке описывает себя как издание, «сосредоточенное на истории, а также современных политических, социальных и экономических вопросах стран бывшего «коммунистического блока» (Europe-Asia Studies, 2018).

Не включенный ни в Север, ни в Юг, погруженный в застой, Восток вообще исчез из «глобального». Попробуйте в дебатах о, скажем, глобальном урбанизме, глобальном бизнесе или глобальных мобильностях найти значимое место для Востока. Дело не в том, что Восток мало упоминают, хотя и это утверждение справедливо. Скорее, о Востоке и не думают как о включенном в глобальные свя-

зи (Rogers, 2010). Он не участвует в «глобальном» — глобальном потоке образов и идей, людей и стратегий. Если «Восток» существует, то не заслуживает определения «Глобальный». И можно извинить исследователя, готового поверить, что железный занавес никогда не падал.

За пределами западной архитектуры знания

Но железного занавеса больше нет. Уверенное возвращение Востока давно назрело, и не только для того, чтобы нарушить бинарность Севера и Юга. Требование права Востока на голос в академических дебатах может оспорить противодействовать или, по крайней мере, бросить вызов доминирующим культурным схемам производства знаний (Buchowski, 2004; Timár, 2004)⁴ и параллельно осуществляемым попыткам самоизоляции Востока (Funk, 2017). Оно может переустроить полушарную «геополитику знания» (Mignolo, 2002), так удобно разбитую на Север и Юг.

Частью политического импульса по переоткрытию Востока является желание вернуть его великое разнообразие, столь часто списываемое со счетов и редуцируемое до карикатурного, монотонного «сумрачного места». Разнообразие не только этническое (хотя и оно тоже), но политическое, культурное и экономическое, — придавленное гомогенизирующим ярлыком «бывшего Восточного блока», которым так любят пользоваться новостные комментаторы. Разнообразие, протягивающееся от Эстонии, образчика внедрения европейских реформ, через диктатуру Беларуси к глобальным амбициям Казахстана. От бывшего имперского ядра России через раздираемую конфликтами Украину к центробежным перифериям Словении. Это разнообразие и его воздействие на жизни людей, пожалуй, лучше всего схвачено в шутке про старика, рассказывающего, как он родился в Габсбургской монархии, пошел в школу в Чехословакии, женился в Венгрии, большую часть жизни проработал в Советском Союзе, а на пенсию вышел на Украине. «Много путешествовали, да?» — спрашивает собеседник. «Нет, я никогда не покидал Мукачево».

На карту здесь поставлено и нечто большее. Восток не так просто встраивается в существующую архитектуру знания, созданную по преимуществу в англоговорящем мире (Tlostanova, 2015a). Западный колониализм не подарил Востоку общих с ним институций или семейных связей, английский язык не стал, преодолев километры, *lingua franca*, а последствия железного занавеса до сих пор затрудняют учреждение исследовательских коллабораций. Эмигранты-интеллектуалы и исследователи с Глобального Юга — Стюарт Холл, Гаятри Спивак, Эдвард Саид,

---

4. Эти цепочки производства знаний, существующие в англо-американской академии, и произвели постсоциалистическую точку зрения — попытку осмыслить Восток после падения социализма (Hann, 2001). Исследователи на Востоке критиковали это понятие за то, что оно является «ориентализирующим концептом, позволившим западным антропологам сконструировать посткоммунистическую Европу» (Červinková, 2012: 159).

Ахилл Мбембе, Эме Сезер — часто продолжали работу в колониальных центрах в Британии, Франции или США, встраиваясь в англо- или франкофонные цепочки производства знаний. Тем не менее когда исследователи с Востока отправлялись в центр Советской империи — Москву, а делали они это часто, им удавалось обратиться лишь к ограниченной аудитории. Стоило Советскому Союзу пасть, как интеллектуалы столкнулись с нарастающей лингвистической изоляцией и сужающимся доступом к глобальным возможностям. Рабочими языками начинающих интеллектуалов Востока были французский и немецкий, но не английский — язык рыночного капитализма. Это повлияло на то, как путешествуют знания с Востока и о Востоке. Ирония в том, что шансы Востока быть услышанным уменьшились ровно потому, что он находился за пределами влияния британского и французского колониализмов.

Есть и другая динамика, которую следует отметить: отсутствие голосов с Востока в глобальных дискуссиях — удар, нанесенный по исследованиям на Востоке падением социализма. Его последствия ощущаются и по сей день. Не то чтобы финансирование исчезло одним днем, однако ученые оказались в ситуации, в которой радикально изменилось само представление о том, что такое хороший исследователь. Многие, надеясь выжить, были вынуждены оставить академическую карьеру и свою родину. Оставшимся пришлось (а некоторым приходится и сейчас) работать на стороне. Эта проблема особенно актуальна для гуманитарных дисциплин и социальных наук — их часто упрекают в малой практической ценности. Академия не сулила будущего и не гарантировала достаточного заработка, потому в девяностые и нулевые так мало молодых исследователей смогло включиться в дискуссии. Вместо этого они отправились учиться и работать за рубеж (Ushkalov, Malakha, 2010). Потому неудивительно, что «снятие ограничений на публикации, как и само социальное преобразование Центральной и Восточной Европы, не привело к резкому росту местных аналитических работ, посвященных коммунистической и посткоммунистической реальностям» (Outhwaite, Ray, 2005: 12). Да и что позволило бы этому резкому росту случиться? Падение социализма практически разрушило исследовательские центры Востока, и лишь в последние годы ситуация стала меняться.

К стратегическому эссенциализму Востока

Принимая во внимание эти обстоятельства, мы видим нарастающую важность политического проекта по возвращению голоса Востоку. Я полагаю, что нам следует сохранить термин «Восток» и не следует стыдиться столкновения с его старыми коннотациями отсталости и инаковости. Такие термины, как «Новая Европа» или «Центральная Европа» (Garton Ash, 1999; Kundera, 1984), пытающиеся разорвать связь с Востоком, рискуют воспроизвести телеологический горизонт Европы и вновь впасть в евроцентризм. Согласно наблюдениям исследователей, эти термины лишь сдвигают границу «отсталого Востока» дальше, пытаясь поместить

Другого где-то еще (Kuus, 2004; Melegh, 2006), вместо того, чтобы решительно с ним порвать. Также важно думать о Востоке — как и Севере, и Юге — не в строгих географических терминах, а как об онтологической и эпистемологической категории, чтобы не сводить его к узко ограниченному мировому региону.

Конечно, «Восток» — многозначное, пластичное понятие. В многообразии его употреблений входят самые разные пространства: от Восточной Европы и России до Японии и Китая, включая сюда то, что мы порой определяем как «Ближний Восток», к которому относится и Турция (Goody, 1996; Mahbubani, 2008; Mignolo, 2014b; Neumann, 1999; Said, 1978; Zarakol, 2011). Одной из устойчивых черт Востока остается роль Другого, необходимая Западу для последовательного самоутверждения. Аргумент этой статьи состоит в том, чтобы думать с позиции одного из многих Востоков: тех обществ бывшего Второго мира, которым довелось пережить лавинообразный обвал социализма между 1989–1992 годами. Но если «Восточность» — это базовое затруднение (*predicament*) полуинаковости, то понятие Глобального Востока не следует ограничивать этими обществами. В действительности оно должно вбирать в себя все общества, не входящие ни в Юг, ни в Север.

Пластичность служит добрую службу такому понятию, как «Глобальный Восток», поскольку вместо очерченных границ и фиксированных территорий она предлагает топологические связи и размытые зоны. Восток всегда где-то: когда я спрашиваю о нем во Франции, мне говорят, что Восток в Германии; когда спрашиваю в Германии, мне указывают на Восточную Германию; когда спрашиваю там, мне указывают на Польшу; в Польше говорят, что Восток на Украине... означаемые, привязанные к означаемому «Восток», постоянно смещаются. Таким образом, «Восток» можно оценивать как плавающее означаемое, не имеющее закрепленного означаемого. Означаемое, больше сообщающее о его пользователе, нежели об обозначаемом им объекте. Эта особенность позволяет использовать предлагаемый термин для политического проекта по переписыванию Востока. Согласно Лаклау (Laclau, 2005: ch. 5), плавающие означаемые позволяют артикулировать политические требования, поскольку они же способны вобрать в себя множество значений (по словам Лаклау, они помещают политические требования в цепь эквивалентностей). Поскольку закрепленных значений у них нет, то такие можно в них вписать.

Понятия вроде «Евразии» менее пластичны, инклюзивны, меньше указывают за пределы очерченных территорий — хотя именно они чаще всего используются для обозначения крупных частей бывшего Советского Союза (в частности, России и Центральной Азии) (Grant, 2012; Hann et al., 2016). Евразия по большей части территориальное понятие, обладающее при этом проблематичным значением, связанным с евразийской идеологией, пережившей короткий взлет популярности в сегодняшней России (Suslov, Bassin, 2016). Евразийство предложило моральное и псевдонаучное обоснование для продвижения имперской идеологии, которой в России пользуются силы националистических и экстремистских взглядов. Ларюэль подытоживает этот проблематичный аспект: «[Евразия] выражает, удобно

и довольно интуитивно, историческое пространство России и ее „периферий“, а также определенную, быстро развивающуюся геополитическую реальность... В странах, к которым относятся балтийские государства и Украина, обеспокоенно относятся к их изучению в рамках Департамента исследований Евразии» (Laruelle, 2016: 136). Смит и Ричардсон называют Евразию «мифом»: «Некогерентная пуганица пространств... Мы обнаруживаем Евразию, в которой кишат мириады форм... характеризующих несоответствиями и несогласованностью» (Smith, Richardson, 2017: 4–5).

Если мы дорожим ценностями многоголосия и противоречивости, тогда, возможно, нам следует думать о Востоке с точки зрения «стратегического эссенциализма» (Spivak, 1988b), представляющего собой политическую практику, способную мобилизовать разнородные маргинальные группы, собрать их под общим знаменем эмансипаторного политического проекта. Стратегические эссенциализмы на время отодвигают в сторону различия, чтобы артикулировать свои политические требования к дискурсу-гегемону. В таком контексте многие вещи могут стать «политическими»: право на признание; производство того, что можно определить как достоверное знание; свобода от дискриминации. Подобные стратегические эссенциализмы были важной тактикой для феминизма (Rose, 1993), постколониализма (Spivak, 1993), а не так давно они пригодились и для выступлений с требованиями в пользу Глобального Юга (Comaroff, Comaroff, 2011; Parnell, Robinson, 2012).

Случай Глобального Юга, также показывающий пример стратегического эссенциализма, здесь особенно показателен, поскольку выстроен вокруг маргинализированной, но совершенно гетерогенной категории. Он также включал в себя восстановление в правах патерналистского концепта. На самом деле, когда термин «Юг» (тогда еще без определения «глобальный») появился в дискуссиях 70-х годов XX века, он выступал лишь плохо замаскированным ярлыком для «развивающихся стран», чем указывал на патерналистскую ответственность Севера за исправление причиненных им несправедливостей и «спасение» бедного Юга. Оно было куда более реакционным по сравнению с понятием Третьего мира, ставшим политическим проектом Юга после Бандунгской конференции 1955 года (Dirlik, 2007; Prashad, 2013).

Недавний толчок к началу теории на Юге, толчок к смещению телоса модерна (обычно связываемого с Глобальным Севером) повторно артикулировал значение Юга (Chakrabarty, 2007; Comaroff, Comaroff, 2011; Robinson, 2006): Юг не только по праву может и должен быть источником новых теорий, но эти теоретические интуиции должны обращаться к теориям на Севере⁵.

Пожалуй, особенно ясно этот аргумент обозначен в работах Джин и Джона Комарофф (Comaroff, Comaroff, 2011): они видят развитие Севера, с его нескончаемыми кризисами, нестабильностью и незащищенностью, жесткой экономией,

5. Это же верно в отношении недавней попытки популяризации теории из Азии в «азиатском веке». См., например: Chen, 2010.

социальными и этическими проблемами, — как движение в сторону Юга, поэтому они отдают Югу ведущую роль в теоретическом осмыслении этого нового состояния. «Так называемая «Новая норма» Севера способна лишь заново проигрывать недавнее прошлое Юга» (Comaroff, Comaroff, 2012: 123)⁶. Север лишь играет в догонялки с Югом: какой освежающий способ поставить мир с ног на голову! Хотя аргумент Комарофф в основном строится на разрушительном глобальном правлении неолиберализма — правлении, которое представляется очень шатким в свете недавних националистических тенденций — направление его удара понятно: Югу есть что сказать, причем не только себе, но и Северу.

Движение Юга к эмансипации может стать моделью для Востока в его политическом рывке к деколонизации производства знания и в попытке вернуться на карту. Это возвращение на карту, впрочем, невозможно без размышления о Востоке как о части глобального проекта — как о Глобальном Востоке.

Глобальный Восток: по пути граненого питьевого стакана

Давайте попробуем подумать о Глобальном Востоке иначе и на время перестанем представлять его как нечто, отрезанное от мира, застывшее в пространстве и времени. Давайте посмотрим на Глобальный Восток через граненый питьевой стакан (рис. 1), один из основных товаров компании ИКЕА. Этот стакан вездесущ, его можно найти где угодно. Он стоит на столах и у президентов и у студентов. Он стоит на столе рядом со мной. Полагаю, что вам тоже доводилось из него пить. У меня нет под рукой официальной статистики, но, обращаясь к собственным наблюдениям за шкафами людей в разных точках по всему миру, предположу, что общие продажи этого стакана достигли нескольких миллиардов экземпляров. Неудивительно, что при цене за единицу меньше 70 центов этот стакан конкурентно представлен на рынке и сопротивляется любой — осознанной и случайной — попытке его уничтожить. И пусть большинство из нас думает, что это продукт, созданный ИКЕА, сама его форма суть воплощение Востока, ставшего глобальным. Дизайн ИКЕА не скрывает, что получившаяся форма вдохновлена классикой советского дизайна — граненым стаканом работы Веры Мухиной, являющимся иконой советской стеклянной утвари по меньшей мере с 1943 года (Idov, 2011: 78).

Конечно, можно поддасться искушению увидеть в этом стакане один пример «банального космополитизма потребительской культуры» (Featherstone, 2006: 390) и поглощения местного знания глобальными корпорациями. Но этот сюжет не так уж и прост. Во-первых, граненый стакан пережил свою первую «историю успеха» на Востоке: после Второй мировой там ежегодно производилось от пяти до шести тысяч миллионов стаканов (Idov, 2011: 80). Так что стакан следует определить как глобальный потребительский продукт, созданный на Востоке и скопированный на

---

6. Частое упоминание различий Севера и Юга не должно отвлекать от того, что тексты, наконец, указывают на отношения, не укладывающиеся в отношения Севера с Югом и размывающие границы (например: Caison, Vormann, 2015; Roy, Crane, 2015).

Рис. 1. Найдите отличия: советский *граненый стакан* (слева) и современная интерпретация IKEA под названием *Vardagen* (справа)

Западе. Это — редкий пример переворачивания привычных правил; редкий для мира, в котором дизайн — прерогатива творческих центров Глобального Севера, что отлично схвачено в вездесущем «Разработано в Калифорнии, собрано в Китае» на продуктах Apple.

Но со стаканом связана и производственная история. Большинство стеклянных изделий IKEA производится на Глобальном Востоке. Низкие расходы на производство (в первую очередь — на энергообеспечение) и опыт производства стекла — основа конкурентоспособности. Долгое время IKEA производила свой бестселлер — стакан Pokal (рис. 2) — в России, а потом перевела производство в Болгарию; вероятно, из-за низких производственных расходов на совмещенных с членством Болгарии в Евросоюзе, упрощающим экспорт.

История стакана — это история о промежуточном положении, которое Глобальный Восток занимает на обеих позициях, позиции производителя и потребителя внутри глобальных процессов. «Разработано на Глобальном Востоке, произведено на Глобальном Востоке» — эта формула отражает двойственность

Рис. 2. Сделано на Глобальном Востоке: флагманский стакан Pokal от IKEA

положения Глобального Востока в условиях глобализации. Но она также отражает другой важный тезис: Восток вплетен в глобальные *отношения*. Он связан с миром, а не изъят из него. Это кажется очевидным, но Восток, как мы увидели, часто воспринимают совсем по-другому — как нечто, выпавшее из течения времени и лишившееся своей точки в пространстве.

Восприятие Глобального Востока как реляционного понятия предполагает наличие Востока как понятия топологического (Shields, 2012; о Востоке особенно: Rogers, 2010; Tuvikene, 2016), согласно которому любое место на карте, встроенное в соответствующие отношения, можно отнести к Востоку. Материальное присутствие икеевского стакана прямо на моем столе связывает меня с Глобальным Востоком; ту же операцию выполняет и томик «Made in Russia», лежащий неподалеку. Другими словами, вызов Глобального Востока — размышление в топологическом стиле: призыв думать об отношениях, сближающих отделенное, скрепляющих несоединимое (Mol, Law, 1994). Глобальный Восток — как отношение — может быть где угодно. Соответственно, вопрос «где Глобальный Восток?» — поставлен неправильно, поскольку вынуждает нас вновь обращаться к территориям. Нам следует спрашивать: «Что такое Глобальный Восток?», обращаясь к отношениям.

Соответственно, смысл реляционного представления о Востоке ровно в том, чтобы не ограничивать его территорией бывшего Второго мира. Советский писатель Илья Эренбург, назвав Берлин мачехой русских городов, указал на транслокальные отношения Востока. Эренбург был одним из сотен тысяч русских эмигрантов, обретших в Берлине эрзац-дом после Октябрьской революции. Выражаясь словами Карла Шлөгеля, они сделали его своей суррогатной столицей (Erzatzhauptstadt) (Schlögel, 2007). Но нам не нужно отправляться в берлинский Шарлоттенград на сто лет назад, чтобы повсюду обнаружить Глобальный Восток, явленный в русскоговорящих сообществах нью-йоркской Маленькой Одессы (Miyares, 1998), в кипрском Лимасоле, в восточноевропейских сообществах Лондона (Neumann, 2015), в украинских транснациональных христианских общинах евангелистов (Wanner, 2007). Он же присутствует и в российском вмешательстве в выборы в США, в «мобильных матерях», перемещающихся между Молдовой и Стамбулом (Keough, 2016), в связях между олигархическими режимами Центральной Азии и Персидского залива (Koch, 2016), в глобальном продвижении Грузии в качестве образчика постсоветских реформ (Schueth, 2011) — и в истории потребительских продуктов — таких как *граненый стакан*.

По-своему самой интересной частью Востока оказывается, пожалуй, не его ядро, но его расширения и торговые зоны. Следуя за этими расширениями, можно открыть новые линии для сравнения стран, феноменов и пространств, которые многие сочли бы слишком различными, однако их сравнение — ровно в силу этой различности — может приводить к полезным открытиям. Сравнение неопатриониальных гарнизонных государств в США и России, модернистской застройки Ташкента и Бразилиа, христианских общин Украины и Нигерии включает в себе важную эпистемологическую функцию: оно учреждает Восток не в положении

фундаментально отличающегося и не позволяет экзотизировать его, превратив в Другого. Оно децентрирует Запад и его претензии на производство универсального знания (Robinson, 2016; Sidaway, 2013)⁷.

Внимательное рассмотрение отношений обнаруживает сближение понятия Глобального Востока с третьей волной региональных исследований, сформировавшейся за счет обращения к инструментам социальной и культурной теорий, а также погруженности в процессы глобализации, связывания и мобильностей (Middell, 2013; Mielke, Hornidge, 2016; Sidaway et al., 2016). Эта третья волна, занимающая рефлексивную позицию, критически оценивает прошлые описания регионов как замкнутых сущностей. С тех же позиций она рассматривает и колониальное изготовление знаний о регионах из центра, стремясь продвинуть анализ глобальных связей и децентрацию производства знания. Она движется по неровному и опасному пути, балансируя между полным отказом от локальной экспертизы в пользу неукорененных глобальных исследований (Koch, 2016: 650) и овеществлением регионов в качестве самодостаточных сущностей (van Schendel, 2002). Для Глобального Востока важно следующее понимание: знание из мест (knowledge from places) сохраняет свою важность, хотя его и не нужно больше соотносить с конкретным районом, выполняющим функцию эпистемологической рамки. Другими словами, место действия имеет значение, но не ограничивается им одним. Места могут создавать аффорданс, особую возможность действия, которая может актуализироваться, но это вовсе не обязательно. По словам Чари (Chari, 2016: 792), нам следует посвятить себя «бытию-с в мире, где одновременно существуют взаимосвязанность и онтологическое различие». Это призывает нас культивировать Глобальный Восток через глобальное ощущение места: не самозамкнутый и защищающийся, но смотрящий вовне и сохраняющий то, что составляет его уникальность (Massey, 1991).

Заключение: теоретизируя вместе с Глобальным Востоком

Представления о мире, разделенном на Глобальный Север и Глобальный Юг, оставили Восток на своего рода нейтральной полосе. Его промежуточное положение: не вполне богат, не вполне беден; не только колонизируемый, но и не только колонизатор, — затрудняет категоризацию. Приклеив к нему ярлыки «отсталого» и «закрытого», академия и публичный дискурс приучились рассматривать Восток как нечто отделенное и отдаленное от мира, не способное предложить ему ничего значительного.

В рамках этой статьи мы попробовали определить Восток как Глобальный: возстановить его в праве на место в мире и в праве быть в нем услышанным. Это потребовало рассмотрения Востока с точки зрения стратегического эссенциализма,

---

7. Недавние тексты о Глобальном Севере и Юге подчеркивают эти топологические отношения Севера на Юге (см., например, закрытые охраняемые поселки) и Юга на Севере (например, бедность) (см.: Miraftab, 2009; Roy, Crane, 2015).

позволяющего переучредить его как постоянную зону исследовательских интересов и наполнить понятие о нем новыми смыслами. Восток в глобальном смысле размещается прямо в центре мира. Если мы увидим Глобальный Восток в его связи с множеством других мест, его будет сложнее вытеснить на теоретическую обочину. Восток — не Север и не Юг — позволяет нам, размышляющим о глобальном, избежать отступления к разделенным на полушария бинарным противоположностям между богатыми и бедными, сильными и бессильными. Вовлечение в глобальные сравнительные исследования защищает Восток от изоляции, поскольку его множественные опыты — империи, глобализации, неолиберальных реформ, националистического популизма, политического сопротивления и асимметричных войн — теперь наконец-то сопрягаются с дискуссиями об этих темах, ведущимися в разных частях света.

Таким образом, размышление о Глобальном Востоке представляется и политическим проектом. Оно не только позволяет противостоять его восприятию как наполовину Другого на Севере и молчанию о нем на Юге, тем самым создавая возможность принимать во внимание опыт его жителей, отказываясь от европоцентризма, но и утверждает Восток в качестве открытого места, направленного вовне, а не замкнутого снаружи. И теперь, когда мы видим взлет националистического популизма на Севере, Юге и Востоке; популизма, стремящегося оградить страны друг от друга, а не возводить мосты, — утверждение открытости становится важным политическим заявлением. Сейчас, когда, казалось бы, ключевые центры либеральной демократии — Британия и США — находятся в сложной ситуации, этот политический проект может открыть новые возможности, позволяя стирать различия между Севером и Югом, Востоком и Западом, оспаривая установленные иерархии.

Хотя эта статья создает теоретический образ Глобального Востока, увиденный с точки зрения бывших социалистических государств Второго мира, состояние Восточности — полуинаковости, парящей между Севером и Югом, — простирается намного дальше. Как насчет Южной Кореи, Турции или зловещего Ближнего Востока? Используя «Восток» в качестве теоретического инструмента, мы нарушаем молчание, позволяя говорить тем, кто исключен из полушарных разделений на Север и Юг, — тем, кто находится не столько на границах, сколько в зазорах и промежутках между ними. Мы вовсе не стремимся воскресить еще одну бинарность (Запада и Востока), но хотели бы расшатать бинарное геополитическое воображение за счет введения *tertium quid* [третьего элемента].

Толкуя Глобальный Восток как *tertium quid*, мы сможем принять и его лиминальное положение, его полуинаковость. Традиционно промежуточную позицию прочитывали как положение, откуда следует переместиться, от которого стоит избавиться, перейдя от периферии к ядру. Но почему бы нам не прочесть эту лиминальность как сильную сторону? Почему бы не использовать предлагаемые ею ресурсы, чтобы обратиться к неуверенностям, непредсказуемостям и импровизационным тактикам? Размышления из точки между Севером и Югом позволяют

думать о неоднозначности и эфемерности — не только для Востока, но и для Севера с Югом.

Таким образом, приятие лиминальности Глобального Востока не только вписывает его во множество разворачивающихся споров, посвященных геополитике знаний (Mignolo, 2002), — так называемой третьей волне регионалистики, оспаривающей политику репрезентации и выдвигающей на первый план транснациональные связи (Sidaway et al., 2016), а также теориям Юга (Connell, 2007), — но и приглашает поразмышлять о значении Востока для концептуализации парадоксов и неопределенностей, характеризующих глобализирующиеся общества, — феноменов, так активно обсуждавшихся исследователями в последние десятилетия (Bauman, 2006; Prigogine, 1996; Žižek, 2011).

Таким образом, одной лишь теории о Глобальном Востоке достаточно не будет. Не произойдет повторного вписывания Глобального Востока, если не пересмотреть систему производства знаний о нем. Осуществляя это, мы должны превратить Восток из объекта регионалистики в субъект или же, пожалуй, в метод — «способ преобразования производства знаний» (Chen, 2010: 216). Важно, из какого места осуществляется это повторное встраивание. Недавний рост числа теоретических работ, созданных на Глобальном Востоке, позволяет не сомневаться в том, что пришло время теоретизировать не только *о*, но и *вместе* с Глобальным Востоком.

Благодарности

Это вторая статья в серии из четырех текстов. Другие тексты, входящие в нее: «Goodbye Postsocialism!» (Müller, 2019), «Theorising with the Global East» и «How global is global urbanism? How we theorised from the South but forgot about the East». Мне удалось значительно улучшить эту статью, представив в разных форматах идеи, положенные в основу текста, нескольким заинтересованным аудиториям в Велька Ломница в сентябре 2016 года, в Лейпциге в ноябре 2016 года, в Бостоне в апреле 2017 года, в Екатеринбурге и Мюнстере (кантон Вале) в августе 2017 года, в Киеве в сентябре 2017 и в Цюрихе в феврале 2018 года. Благодарю Елену Трубину и Каролин Шур за острые комментарии, а также выражаю благодарность рецензентам и редакторам «Geopolitics» за помощь в оформлении этой публикации.

Финансирование

Эта работа поддержана Швейцарским национальным научным фондом (грант PPOOP1_144699).

Литература

- Babones S., Babcicky P. (2011) Russia and Eastern Europe in the Modern World-System: A Structuralist Perspective. *Proceedings of the 10th Biennial Conference of the Australasian Association for Communist and Post-Communist Studies*. Available at: <https://ses.library.usyd.edu.au/bitstream/2123/8065/2/Russia-and-East-Central-Europe-in-the-modern-world-system.pdf> (accessed 10 August 2020).
- Bauman Z. (2006) *Liquid Times: Living in an Age of Uncertainty*, Cambridge: Polity.
- Bhabha H. K. (1994) *The Location of Culture*, London: Routledge.
- Boycko M., Shleifer A., Vishny R. (1995) *Privatizing Russia*, Cambridge: MIT Press.
- Bradbury M. (1986) *Why Come to Slaka?*, London: Martin Secker & Warburg.
- Bradshaw M. (2001) The Post-socialist States in the World Economy: Transformation Trajectories. *Geopolitics*, vol. 6, no 1, pp. 27–46.
- Braveboy-Wagner J. A. (2009) *Institutions of the Global South*, London: Routledge.
- Buchowski M. (2004) Hierarchies of Knowledge in Central-Eastern European Anthropology. *Anthropology of East Europe Review*, vol. 22, no 2, pp. 5–14.
- Caison G., Vormann B. (2015) The Logics and Logistics of Urban Progress: Contradictions and Conceptual Challenges of the Global North-South Divide. *Global South*, vol. 8, no 2, pp. 65–83.
- Červinková H. (2012) Postcolonialism, Postsocialism and the Anthropology of East-Central Europe. *Journal of Postcolonial Writing*, vol. 48, no 2, pp. 155–163.
- Chakrabarty D. (2007) *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*, Princeton: Princeton University Press.
- Chari S. (2016) Trans-Area Studies and the Perils of Geographical “World-Writing”. *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 34, no 5, pp. 791–798.
- Chari S., Verdery K. (2009) Thinking between the Posts: Postcolonialism, Postsocialism, and Ethnography after the Cold War. *Comparative Studies in Society and History*, vol. 51, no 1, pp. 6–34.
- Chen K.-H. (2010) *Asia as Method: Toward Deimperialization*, Durham: Duke University Press.
- Cilauo S., Gleisner T., Sitch R. (2004) *Molvania: A Land Untouched by Modern Dentistry*, Woodstock: The Overlook Press.
- Comaroff J. L., Comaroff J. (2011) *Theory from the South; or, How Euro-America is Evolving toward Africa*, Boulder: Paradigm.
- Comaroff J., Comaroff J. L. (2012) Theory from the South; or, How Euro-America is Evolving toward Africa. *Anthropological Forum*, vol. 22, no 2, pp. 113–131.
- Connell R. W. (2007) *Southern Theory: Social Science and the Global Dynamics of Knowledge*, Cambridge: Polity.
- Dirlik A. (2007) Global South: Predicament and Promise. *Global South*, vol. 1, no 1, pp. 12–23.

- Europe-Asia Studies (2018) Aims and Scope. Available at: <https://www.tandfonline.com/action/journalInformation?show=aimsScope&journalCode=ceas20> (accessed 10 August 2020).
- Fanon F. (1952) *Peau noire, masques blancs*, Paris: Seuil.
- Fanon F. (2008) *Black Skin, White Masks*, London: Pluto Press.
- Featherstone M. (2006) Genealogies of the Global. *Theory, Culture & Society*, vol. 23, no 2–3, pp. 387–392.
- Fukuyama F. (1992) *The End of History and the Last Man*, New York: Free Press.
- Funk D. A. (2017) I vnov o kachestvennyh zhurnalakh i natsionalnyh reitingah [One More Word about “Good Journals” and National Rankings]. *Siberian Historical Research*, no 1, pp. 6–11. (In Russian)
- Garton Ash T. (1999) The Puzzle of Central Europe. *The New York Review of Books*, March 18. Available at: <http://www.nybooks.com/articles/1999/03/18/the-puzzle-of-central-europe/> (accessed 10 August 2020).
- Gille Z. (2016) *Paprika, Foie Gras, and Red Mud: The Politics of Materiality in the European Union*, Bloomington: Indiana University Press.
- Goody J. (1996) *The East in the West*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Grant B. (2012) We are All Eurasian. *Newsnet*, vol. 52, no 1, pp. 1–6.
- Hann C. (ed.) (2001) *Postsocialism: Ideals, Ideologies and Practices in Eurasia*, London: Routledge.
- Hann C., Benovska-Sabkova M., Bošković A., Eriksen, Gellner, Gingrich A., Kradin N., de Pina-Cabral J., Lins Ribeiro G., Rogers D., Schlee G., Skalník P., Wengrow D. (2016) A Concept of Eurasia. *Current Anthropology*, vol. 57, no 1, pp. 1–27.
- Hann C., Humphrey C., Verdery K. (2002) Introduction: Postsocialism as a Topic of Anthropological Investigation. *Postsocialism: Ideals, Ideologies and Practices in Eurasia* (ed. Ch. Hann), London: Routledge, pp. 1–28.
- Horvat S., Štiks I. (2012) Welcome to the Desert of Transition! Post-Socialism, the European Union, and a New Left in the Balkans. *Monthly Review* (blog), March 1. Available at: <https://monthlyreview.org/2012/03/01/welcome-to-the-desert-of-transition/> (accessed 10 August 2020).
- Idov M. (2011) *Made in Russia: Unsung Icons of Soviet Design*, New York: Rizzoli.
- Karkov N. (2015) Decolonizing Praxis in Eastern Europe: Toward a South-to-South dialogue. *Comparative and Continental Philosophy*, vol. 7, no 2, pp. 180–200.
- Keough L. J. (2016) *Worker-Mothers on the Margins of Europe: Gender and Migration between Moldova and Istanbul*, Bloomington: Indiana University Press.
- Knox P., Agnew J., McCarthy L. (2014) *The Geography of the World Economy*, London: Routledge.
- Knudsen I. H., Frederiksen M. D. (eds.) (2015) *Ethnographies of Grey Zones in Eastern Europe: Relations, Borders and Invisibilities*, London: Anthem.
- Koch N. (2016) Is a “Critical” Area Studies Possible? *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 34, no 5, pp. 807–814.

- Kovačević N. (2008) *Narrating Post/Communism: Colonial Discourse and Europe's Borderline Civilization*, London: Routledge.
- Kundera M. (1984) The Tragedy of Central Europe. *The New York Review of Books*, April 26, pp. 33–38.
- Kuus M. (2004) Europe's Eastern Expansion and the Reinscription of Otherness in East-Central Europe. *Progress in Human Geography*, vol. 28, no 4, pp. 472–489.
- Kuus M. (2007) Something Old, Something New: Eastness in European Union Enlargement. *Journal of International Relations and Development*, vol. 10, no 2, pp. 150–167.
- Kuus M. (2014) *Geopolitics and Expertise: Knowledge and Authority in European Diplomacy*, Oxford: Wiley-Blackwell.
- Laclau E. (2005) *On Populist Reason*, London: Verso.
- Laruelle M. (2016) The Notion of Eurasia: A Spatial, Historical and Political Construct. *Questioning Post-Soviet* (eds. E. C. Holland, M. Derrick), Washington: Wilson Center, pp. 127–142.
- Mahbubani K. (2008) *The New Asian Hemisphere: The Irresistible Shift of Global Power to the East*, New York: Public Affairs.
- Massey D. (1991) A Global Sense of Place. *Marxism Today*, June, pp. 24–29.
- Mbembe A. (2000) *De la postcolonie: essai sur l'imagination politique dans l'Afrique contemporaine*, Paris: Karthala.
- Melegh A. (2006) *On the East-West Slope: Globalization, Nationalism, Racism and Discourses on Eastern Europe*, Budapest: Central European University Press.
- Middell M. (ed.) (2013) *Self-reflexive Area Studies*, Leipzig: Leipziger Universitätsverlag.
- Mielke K., Hornidge A.-K. (eds.) (2016) *Area Studies at the Crossroads: Knowledge Production after the Mobility Turn*, Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Mignolo W. D. (2002) The Geopolitics of Knowledge and the Colonial Difference. *South Atlantic Quarterly*, vol. 101, no 1, pp. 57–96.
- Mignolo W. D. (2011) The Global South and World Dis/order. *Journal of Anthropological Research*, vol. 67, no 2, pp. 165–188.
- Mignolo W. D. (2014a) The North of the South and the West of the East: A Provocation to the Question. *IBRAAZ*, November 6. Available at: <https://www.ibraaz.org/essays/108/> (accessed 10 August 2020).
- Mignolo W. D. (2014b) Spirit out of Bounds Returns to the East: The Closing of the Social Sciences and the Opening of Independent Thoughts. *Current Sociology*, vol. 62, no 4, pp. 584–602.
- Mikanowski J. (2017) Goodbye, Eastern Europe!. *Los Angeles Review of Books*, January 27. Available at: <https://lareviewofbooks.org/article/goodbye-eastern-europe/> (accessed 10 August 2020).
- Miraftab F. (2009) Insurgent Planning: Situating Radical Planning in the Global South. *Planning Theory*, vol. 8, no 1, pp. 32–50.
- Miyares I. M. (1998) “Little Odessa” — Brighton Beach, Brooklyn: An Examination of the Former Soviet Refugee Economy in New York City. *Urban Geography*, vol. 19, no 6, pp. 518–530.

- Mol A., Law J. (1994) Regions, Networks and Fluids: Anaemia and Social Topology. *Social Studies of Science*, vol. 24, no 4, pp. 641–671.
- Müller M. (2019) Goodbye, Postsocialism!. *Europe-Asia Studies*, vol. 71, no 4, pp. 533–550.
- Neumann I. B. (1999) *Uses of the Other: “The East” in European Identity Formation*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Neumann I. B. (2015) Authoritarian East. *Global Affairs*, vol. 1, no 1, pp. 93–94.
- Nowicka M. (2017) “I Don’t Mean to Sound Racist but...”: Transforming Racism in Transnational Europe. *Ethnic and Racial Studies*, vol. 41, no 5, pp. 824–841.
- Outhwaite W., Ray L. (2005) *Social Theory and Postcommunism*, Oxford: Wiley.
- Parnell S., Oldfield S. (eds.) (2014) *The Routledge Handbook on Cities of the Global South*, London: Routledge.
- Parnell S., Robinson J. (2012) (Re)theorizing Cities from the Global South: Looking beyond Neoliberalism. *Urban Geography*, vol. 33, no 4, pp. 593–617.
- Prashad V. (2013) *The Poorer Nations: A Possible History of the Global South*, London: Verso.
- Prigogine I. (1996) *La fin des certitudes*, Paris: Odile Jacob.
- Reuveny R. X., Thompson W. R. (2007) The North–South Divide and International Studies: A Symposium. *International Studies Review*, vol. 9, no 4, pp. 556–564.
- Rigg J. (2007) *An Everyday Geography of the Global South*, London: Routledge.
- Robinson J. (2006) *Ordinary Cities: Between Modernity and Development*, London: Routledge.
- Robinson J. (2016) Starting from Anywhere, Making Connections: Globalizing Urban Theory. *Eurasian Geography and Economics*, vol. 57, no 4–5, pp. 643–657.
- Rogers D. (2010) Postsocialisms Unbound: Connections, Critiques, Comparisons. *Slavic Review*, vol. 69, no 1, pp. 1–15.
- Rose G. (1993) *Feminism and Geography: The Limits of Geographical Knowledge*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Roy A. (2009) The 21st-Century Metropolis: New Geographies of Theory. *Regional Studies*, vol. 43, no 6, pp. 819–830.
- Roy A., Crane E. S. (2015) *Territories of Poverty: Rethinking North and South*, Athens: University of Georgia Press.
- Said E. W. (1978) *Orientalism*, London: Penguin.
- Schlögel K. (2007) *Das russische Berlin: Ostbahnhof Europas*, München: Pantheon.
- Schueth S. (2011) Assembling International Competitiveness: The Republic of Georgia, USAID, and the Doing Business Project. *Economic Geography*, vol. 87, no 1, pp. 51–77.
- Sgibnev W. (2015) Remont: Housing Adaptation as Meaningful Practice of Space Production in Post-Soviet Tajikistan. *Europa Regional*, vol. 22, no 1–2, pp. 53–64.
- Shields R. (2012) Cultural Topology: The Seven Bridges of Königsberg, 1736. *Theory, Culture & Society*, vol. 29, no 4–5, pp. 43–57.
- Sidaway J. D. (2013) Geography, Globalization, and the Problematic of Area Studies. *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 103, no 4, pp. 984–1002.

- Sidaway J. D., E. L. E. Ho, Rigg J. D., Woon C. Y. (2016) Area Studies and Geography: Trajectories and Manifesto. *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 34, no 5, pp. 777–790.
- Smith J., Richardson P. (2017) The Myth of Eurasia — A Mess of Regions. *Journal of Borderlands Studies*, vol. 32, no 1, pp. 1–6.
- Spivak G. C. (1988a) Can the Subaltern Speak?. *Marxism and the Interpretation of Culture* (eds. C. Nelson, L. Grossberg), Chicago: University of Illinois Press, pp. 271–313.
- Spivak G. C. (1988b) *Subaltern Studies: Deconstructing Historiography. Selected Subaltern Studies* (eds. R. Guha, G. Chakravorty Spivak), Oxford: Oxford University Press, pp. 3–32.
- Spivak G. C. (1993) *Outside in the Teaching Machine*, London: Routledge.
- Suslov M., Bassin M. (eds.) (2016) *Eurasia 2.0: Russian Geopolitics in the Age of New Media*, Lanham: Lexington Books.
- Timár J. (2004) More than “Anglo-American”, It is “Western”: Hegemony in Geography from a Hungarian Perspective. *Geoforum*, vol. 35, no 5, pp. 533–538.
- Tlostanova M. (2008) The Janus-Faced Empire Distorting Orientalist Discourses: Gender, Race and Religion in the Russian/(Post)Soviet Constructions of the “Orient”. *Worlds and Knowledges Otherwise*, vol. 2, no 2, pp. 1–11.
- Tlostanova M. (2011) The South of the Poor North: Caucasus Subjectivity and the Complex of Secondary “Australism”. *Global South*, vol. 5, no 1, pp. 66–84.
- Tlostanova M. (2015a) Can the Post-Soviet Think? On Coloniality of Knowledge, External Imperial and Double Colonial Difference. *Intersections: East European Journal of Society and Politics*, vol. 1, no 2, pp. 38–58.
- Tlostanova M. (2015b) Between the Russian/Soviet Dependencies, Neoliberal Delusions, Dewesternizing Options, and Decolonial Drives. *Cultural Dynamics*, vol. 27, no 2, pp. 267–283.
- Tlostanova M. (2017) *Postcolonialism and Postsocialism in Fiction and Art*, New York: Palgrave Macmillan.
- Todorova M. (1997) *Imagining the Balkans*, Oxford: Oxford University Press.
- Tuvikene T. (2016) Strategies for Comparative Urbanism: Post-Socialism as a De-Territorialized Concept. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 40, no 1, pp. 132–146.
- Ushkalov I., Malakha I. (2010) *Utechka umov* [Brain Drain], Moscow: Librokom. (In Russian)
- van Schendel W. (2002) Geographies of Knowing, Geographies of Ignorance: Jumping Scale in Southeast Asia. *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 20, no 6, pp. 647–668.
- Wallerstein I. (1976) Semi-peripheral Countries and the Contemporary World Crisis. *Theory and Society*, vol. 3, no 4, pp. 461–483.
- Wallerstein I. (1979) *The Capitalist World Economy*, Cambridge: Cambridge University Press.

- Wanner C. (2007) *Communities of the Converted: Ukrainians and Global Evangelism*, Ithaca: Cornell University Press.
- Wolff L. (1994) *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*, Stanford: Stanford University Press.
- Zarakol A. (2011) *After Defeat: How the East Learned to Live with the West*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Zarycki T. (2014) *Ideologies of Eastness in Central and Eastern Europe*, London: Routledge.
- Žižek S. (2011) *Living in the End Times*, London: Verso.

In Search of the Global East: Thinking between North and South

Martin Müller

Professor, Department of Geography and Sustainability, University of Lausanne
Co-founder and academic lead of the Center for Global Urbanism, Ural Federal University
Address: Géopolis 3514, 1015 Lausanne, Switzerland
E-mail: martin.muller@unil.ch

Dmitrii Bezuglov (translator)

Curator of the public program at Ural Industrial Biennial of the Contemporary Art, staff member at the Center for Global Urbanism, Ural Federal University
Address: Lenina ave., 51, room 114a, Yekaterinburg, Russian Federation 620083
E-mail: dmitrii.bezouglov@gmail.com

Carving up the world into Global North and Global South has become an established way of thinking about global difference since the end of the Cold War. This binary, however, erases what this paper calls the Global East — those countries and societies that occupy an interstitial position between North and South. This paper problematizes the geopolitics of knowledge that has resulted in the exclusion of the Global East, not just from the Global North and South, but from notions of globality in general. It argues that we need to adopt a strategic essentialism to recover the Global East for scholarship. To that end, it traces the global relations of IKEA's bevelled drinking glass to demonstrate the urgency of rethinking the Global East at the heart of global connections, rather than separate from them. Thinking of such a Global East as a liminal space complicates the notions of North and South towards more inclusive but also more uncertain theorizing.

Keywords: Global East, Global North, Global South, geopolitics of knowledge, exclusion, strategic essentialism, global theorizing